

Стивен Кинг

Смиренные сестры Элурии

*Часть сборника
Все предельно (сборник)*

Темная Башня

Стивен Кинг

Смиренные сестры Элурии

«АСТ»

1998

Кинг С.

Смиренные сестры Элурии / С. Кинг — «АСТ», 1998 — (Темная Башня)

«Этот день на Полную Землю, когда Роланд подъехал к воротам маленького городка в Заброшенных горах, выдался таким жарким, что, казалось, высасывал воздух из легких до того, как тело успевало использовать его. Роланд путешествовал один, верхом, хотя с тем же успехом мог идти на своих двоих. Всю последнюю неделю он безуспешно пытался найти ветеринара, но теперь уже смирился с мыслью о том, что теперь пользы от лошадиного доктора не будет, даже если таковой и обретался в лежащем перед ним городке. Чалый жеребец-двухлетка Роланда доживал последние часы...»

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Стивен Кинг

Смиренные сестры Элурии

Если у меня и есть главное произведение жизни, так это еще не законченная семитомная сага о Роланде из Гилеада и его поисках Темной Башни – оси существования. В 1996-м или в 1997 году Ральф Вичинанца (временами агент и менеджер, ведущий мои дела, связанные с публикацией произведений за рубежом) спросил, нет ли у меня желания написать повесть о юности Роланда для большой антологии фэнтези, которую готовит Роберт Силверберг¹. Я дал предварительное согласие. Однако ничего путного в голову не приходило. Я даже собирался отказаться от этой затеи, но однажды утром проснулся с мыслями о «Талисмане», о большом павильоне, в котором Джек Соьер впервые видит королеву Долин. В душе (там мне всегда думается лучше всего... наверное, он у меня ассоциируется с маткой) я начал представлять себе такой же павильон, со стенами в лохмотьях... в нем женицин. Призраков. Может, вампиров. Смиренных сестер. Построить сюжет, основываясь на этом центральном образе, оказалось не так-то просто. Впрочем, возможности были: Силверберг просил повести, а не рассказы, было где развернуться, но все равно пришлось поломать голову. События, имеющие отношение к Роланду, требовали много слов, тянули на эпос. Повесть эта хороша тем, что можно не знать содержания четырех уже опубликованных романов о Темной Башне, чтобы насладиться ею. А для поклонников саги скажу, что «Темная Башня-5» уже закончена, все девятьсот страниц. Она называется «Волки Каллы».

¹ Антология издана в России в 1999 г. издательством «АСТ» под названием «Легенды»

Глава первая

Полная Земля. Обезлюдивший город. Колокола. Мертвый юноша. Перевернутый фургон. Зеленые человечки

Этот день на Полную Землю, когда Роланд подъехал к воротам маленького городка в Заброшенных горах, выдался таким жарким, что, казалось, высасывал воздух из легких до того, как тело успевало использовать его. Роланд путешествовал один, верхом, хотя с тем же успехом мог идти на своих двоих. Всю последнюю неделю он безуспешно пытался найти ветеринара, но теперь уже смирился с мыслью о том, что теперь пользы от лошадиного доктора не будет, даже если таковой и обретался в лежащем перед ним городке. Чалый жеребец-двухлетка Роланда доживал последние часы.

Распахнутые ворота – в цветах, оставшихся после какого-то праздника – приглашали пожаловать в город, но царившая за ними тишина навевала тревожные мысли. Стрелок не слышал ни всхрапывания лошадей, ни скрипа колес фургонов, ни криков торговцев, расхваливающих свой товар на ярмарочной площади. До него доносились лишь монотонное стрекотание сверчков (или каких-то других насекомых, потому что сверчки стрекотали чуть в иной тональности), какое-то странное постукивание, вроде бы чем-то деревянным, да перезвон маленьких колоколов.

Да и цветы в гирляндах, которыми горожане оплели стойки ворот, давно уже засохли.

Топси дважды громко чихнул, и его повело в сторону. Роланд тут же спешил, забываясь как о лошади, так и о себе: не хотелось ему остаться на земле со сломанной ногой, если жеребец выберет этот самый момент для того, чтобы закончить свой жизненный путь и сойти с тропы в пустошь.

В запыленных сапогах, вылинявших джинсах, стрелок стоял рядом с жеребцом, поглаживая его шею да изредка отвлекаясь, чтобы отогнать мух от слезящихся глаз Топси: пусть откладывают свои яйца и выводят личинок после смерти жеребца, но никак не раньше.

Роланд гладил шею жеребца и вслушивался в далекий перезвон колоколов и странное деревянное постукивание. А вскоре перестал озиаться по сторонам и пригляделся к распахнутым воротам.

Крест над ними вроде бы чуть отличался от тех, к которым он привык, но в принципе такие же ворота встречали его в любом маленьком городке, а за последние десять месяцев он побывал во многих. Другие ворота, не столь внушительные, стояли и на выезде из каждого городка. Ворота предназначались не для того, чтобы не пускать в город незваных гостей. Стояли они между стен из розового песчаника, но стены эти обрывались в двадцати футах от дороги. Запри ворота, повесь на них тяжелые замки, но все эти усилия могли лишь удлинить путь незваного гостя на несколько десятков футов.

За воротами Роланд видел обычную Главную улицу: гостиница, два салуна (один назывался «Веселый поросенок», вывеска второго совершенно выцвела, так что названия Роланд прочитать не смог), торговая лавка, кузница, Дом собраний. Еще Роланд увидел небольшое, но красивое деревянное здание с колокольной и золотым крестом на двустворчатой двери. Крест, такой же, как и над воротами, подсказал Роланду, что перед ним храм тех, кто поклоняется Иисусу-человеку. Единой религии в Срединном мире не было. Там поклонялись и Баалу, и Асмадею, и сотням других богов. Вера, как и все остальное в этом мире, сдвинулась. Так что, с точки зрения Роланда, Бог Креста стоял в длинном ряду равных себе, а учил он тому, что любовь и убийство неразрывно связаны, чтобы в итоге Бог мог напиться крови.

Насекомые продолжали стрекотать, ну совсем как сверчки, колокола – позвякивать. Никуда не делся и стук. Словно кто-то размеренно колотил кулаком по двери. Или по крышке гроба.

Что-то здесь не так, подумал Роланд. Берегись, стрелок, за воротами затаилась опасность.

Но он повел Топси вперед, через ворота с засохшими цветами, на Главную улицу. На веранде торговой лавки, где обычно собираются старики, чтобы обсудить виды на урожай, политику и выходки молодых, стояли лишь пустые кресла-качалки. У одного, словно выпавшая из обессиленной (или отрубленной) руки, лежала курительная трубка. Пустовала и коновязь у «Веселого поросенка». Окна салуна напоминали черные дыры. Одну половинку двери, сорванную с петель, кто-то аккуратно прислонил к стене. Вторая наполовину приоткрылась. На зеленую дверцу щедро плесканули чем-то темно-красным. Роланд решил, что это не краска.

Ворота конюшни стояли нетронутыми, зато от нее самой остались одни головешки. Пожар, должно быть, случился в дождливый день, подумал стрелок, иначе выгорел бы весь город.

Церковь стояла по его правую руку, на полпути к городской площади. Зеленые газоны отделяли ее с одной стороны от Дома собраний, а с другой – от маленького коттеджа, в котором жили священник и его семья (если, конечно, эта секта Христа разрешала своим шаманам жениться и иметь детей; были и такие, безусловно, ведомые сумасшедшими, которые требовали от священника обета безбрачия). Цветы на газонах, конечно, пожухли, но не завяли. Из этого Роланд сделал вывод, что городок опустел недавно. Учитывая жару, с неделю назад, максимум – две.

Топси вновь чихнул, устало поник головой.

Стрелок обнаружил источник звона. Над золотым крестом на двери длинной дугой провисла веревка, на которой висели не меньше двух десятков миниатюрных серебряных колоколов. Ветра практически не было, но и малейших его дуновений хватало для того, чтобы колокольчики пребывали в постоянном движении. Оставалось только гадать, какой стоял шум при достаточно сильном ветре. Роланд даже подумал, что постоянное треньканье, пусть и мелодичное, не могло не действовать на нервы.

– Эй! – позвал Роланд, глядя на вывеску гостиницы «Мягкие постели». – Эй, есть тут кто-нибудь?

Ответа он не получил, лишь позвякивали колокола, стрекотали насекомые да где-то что-то стучало по дереву. Ни ответа, ни движения... но кто-то тут был. То ли горожане, то ли... кто-то еще. Роланд чувствовал, что за ним наблюдают. И крохотные волоски у него на шее встали дыбом.

Роланд двинулся дальше, к центру городка, ведя за собой Топси. Каждый шаг поднимал облачко пыли: Главную улицу не удосужились вымостить камнем. Вскоре стрелок остановился вновь, на этот раз перед низким зданием (каменный фундамент, деревянные стены, совсем как церковь), фронтон которого украшало короткое слово: «ЗАКОН».

За спиной Роланда все позвякивали колокола.

Он оставил жеребца посреди улицы и поднялся на крыльцо. Колокола звенели, солнце палило, струйки пота текли по бокам. Роланд толкнул закрытую, но не запертую дверь, скорчил гримасу, поднял руку, прикрывая лицо от потока горячего воздуха, хлынувшего в щель. Если в закрытых помещениях такое пекло, подумал он, зерно в амбарах может и загореться. И если не пойдет дождь (пожарных-то тут уже нет), то городок вскорости может исчезнуть с лица земли.

Роланд преступил порог, стараясь всасывать воздух, избегая глубоких вдохов. Тут же услышал гудение мух.

К достаточно просторной комнате примыкала одна камера, пустая, с открытой дверью-решеткой. Пара заляпанных грязью сапог лежала у койки. Один просил каши. Большое пятно на койке цветом не отличалось от брызг на двери салуна «Веселый поросенок». Над пятном и кружили мухи.

На столе Роланд увидел грессбух в кожаном переплете. Развернул его к себе, прочитал слова, выдавленные в коже:

РЕГИСТРАЦИОННАЯ КНИГА
ПРАВОНАРУШЕНИЙ И НАКАЗАНИЙ
ВО СЛАВУ ГОСПОДА НАШЕГО

ЭЛУРИЯ

Вот он и узнал название городка. Элурия. Приятное на слух, но и в чем-то зловещее. Но, резонно рассудил Роланд, в такой ситуации любое название может показаться зловещим. Он повернулся, чтобы уйти, и тут заметил дверь, запертую на деревянный засов.

Шагнул к ней, остановился, потом достал из кобуры большой револьвер. Постоял несколько секунд, задумавшись (Катберт, его закадычный друг, не раз говорил, что соображает Роланд медленно, зато всегда принимает правильное решение), свободной рукой отодвинул засов. Открыл дверь и тут же отступил на шаг, ожидая, что на него вывалится тело (может, и шерифа Элурии) с перерезанным горлом и вырванными глазами, виновник **ПРАВОНАРУШЕНИЯ** и жертва **НАКАЗАНИЯ...**

Никто не вывалился.

За дверью обнаружилось с полдюжины грязных роб, которые, вероятно, полагалось носить арестованным, два лука, колчан со стрелами, старый, ржавый мотор, ружье, из которого уже лет сто как не стреляли... и швабра. То есть, по разумению стрелка, ничего интересного. Чулан как чулан.

Роланд вернулся к столу, раскрыл регистрационную книгу, пролистал. Даже страницы были теплыми, словно лежала книга в духовке. С другой стороны, по температуре кабинет шерифа если и уступал последней, то лишь на несколько градусов. Если бы Главной улицей Элурия отличалась от большинства других городков, Роланд ожидал бы найти в регистрационной книге множество преступлений против религии и, соответственно, записей о наказаниях грешников. Но соседство церкви Иисуса с двумя салунами указывало на то, что церковники мирились с человеческими слабостями.

Поэтому в книге регистрировались обычные правонарушения, в том числе и тяжкие: убийство, кража лошади, недостойное поведение по отношению к даме (вероятно, подразумевалось изнасилование). Убийцу отправили в Лексингворт, где и повесили. Роланд никогда не слышал этого названия. В одной из записей, ближе к концу, указывалось, что «*Зеленых людей выслали прочь*». Что сие означало, Роланд не понял.

Самая последняя гласила:

12/ПЗ/Суд над Чес. Фриборном, конокрадом.

Суд, как догадался Роланд, состоялся на двенадцатый день Полной Земли (в Элурии, видать, отказались от обычных названий календарных месяцев). Стрелок решил, что запись эту сделали в регистрационной книге незадолго до того, как на койке в камере появилось кровавое пятно, то есть Чес. Фриборн, конокрад, скорее всего уже прошел свою тропу до конца и ступил с нее в пустошь.

Роланд вновь вышел под яркое солнце, к колокольному перезвону. Топси печально взглянул на стрелка и вновь опустил голову, словно надеялся найти в уличной пыли что-то съедобное. Хотя едва ли ему хотелось пощипать травку.

Стрелок взялся за вожжи, стряхнул ими пыль с вылинявших джинсов и зашагал дальше. Деревянное постукивание становилось все громче (выходя из кабинета шерифа, Роланд не убрал в кобуру револьвер), и, подходя к городской площади, где в лучшие времена, вероятно, располагался рынок, он наконец-то уловил какое-то движение.

У дальнего конца площади Роланд увидел длинный желоб, выдолбленный из железного дерева (в этих местах оно называлось секвойей). В лучшие времена вода в желоб поступала из ржавой металлической трубы, которая висела над южным краем желоба. С желоба, примерно посередине, свешивалась нога в штанине из серого материала и изжеванном ковбойском сапоге.

Жевал сапог здоровенный пес, с шерстью чуть более темной, чем парусина штанины. Роланд решил, что пес давно бы стянул сапог, но от жары нога, видать, сильно раздулась, поэтому псу не оставалось ничего другого, как зубами расправляться с препятствием. Пес хватал сапог и тряс из стороны в сторону. То и дело каблук соприкасался с деревянным желобом, и глухой стук разносился по площади, долетая и до ворот. Так что стрелок не сильно ошибся, подумав, что кто-то стучит по крышке гроба.

Почему бы ему не отойти на пару шагов и не запрыгнуть в желоб, удивился Роланд. Вода больше не течет, значит, пес не может бояться, что утонет.

Топси в очередной раз натужно чихнул, и, когда пес обернулся на звук, Роланд понял, почему тому приходится жевать сапог: пес сломал переднюю лапу, которая потом неправильно срослась. Он и ходил с трудом, а о прыжках пришлось просто забыть. На груди пса Роланд увидел полоску грязно-белой шерсти. А на ней – крест из черной шерсти. Собака Иисуса, может, пришедшая к дневной проповеди.

Впрочем, Роланд не заметил ничего религиозного ни в рычании, вырвавшемся из пасти пса, ни в злобном взгляде налитых кровью глаз. Пес вскинул морду, оскалив внушающие уважение зубы.

– Остынь, – бросил псу Роланд. – Пока я добрый.

Пес попятился, уперся спиной в свисающую с желоба изжеванную ногу. На приближающегося человека он взирал с опаской, но не собирался сдавать позицию. Револьвер в руке Роланда его не пугал. Стрелка это не удивило: должно быть, пес никогда не видел револьвера и полагал, что он ничем не отличается от дубинки, которую можно бросить только один раз.

– Говорю тебе, проваливай, – добавил Роланд, но пес не шевельнулся.

Роланд мог бы застрелить пса, проку от него не было, собака, вкусившая человечины, ни на что уже не годится, но стрелять не хотелось. Убийство единственного в городе живого существа (если не считать поющих насекомых) могло накликать беду.

И он выстрелил в пыль у здоровой передней лапы пса. Грохот выстрела разорвал сонную тишину жаркого дня и на какие-то мгновения заглушил насекомых. Пес таки *мог* бегать, пусть и на трех лапах. В сердце Роланда даже шевельнулась жалость к несчастному животному. Он остановился у перевернутого фургона (на нем вроде бы тоже виднелись следы крови), оглянулся и завыл, отчего волоски на шее Роланда вздыбились еще сильнее. А потом пес обогнул перевернутый фургон и, прихрамывая, затрусил по проходу между домами. Как догадался Роланд, к воротам на выезде из Элурии.

Ведя за поводья умирающего жеребца, стрелок пересек площадь, приблизился к желобу, заглянул в него.

Изжеванный сапог принадлежал не мужчине, а молодому пареньку, на щеках которого только начала пробиваться борода. Тело его действительно раздулось, пролежав не один день под жарким солнцем в девяти дюймах воды на дне желоба.

Глаза юноши, теперь белые бельма, напомнили стрелку глаза статуи. Волосы выцвели от пребывания в воде. Роланд решил, что едва ли ему больше шестнадцати лет. На шее юноши сквозь слой воды поблескивал под лучами солнца золотой медальон.

С явной неохотой, перебарывая себя, Роланд опустил руку в воду, ухватился за медальон, потянул. Цепочка разорвалась, он достал медальон.

Стрелок ожидал увидеть символ Иисуса-человека, который назывался распятием, но вместо этого у него в руке оказался маленький прямоугольник из чистого золота. С выгравированной на нем надписью:

Джеймс

Любимец семьи. Любимец Господа

Роланд, который едва заставил себя сунуть руку в отравленную воду (в более юном возрасте он никогда бы этого не сделал), теперь похвалил себя за решительность. Возможно, ему не доведется встретиться с теми, кто любил Джеймса, но он знал, что пути *ка* неисповедимы, так что случиться могло всякое. В любом случае он поступил правильно. Теперь предстояло похоронить юношу... при условии, что ему удастся достать тело из желоба: оно могло разлезться у него под руками.

Жеребец со стоном повалился на землю. Роланд повернулся и увидел восемь человек, рядком, словно загонщики, направлявшихся к нему. Стрелку бросилась в глаза их необычная зеленая кожа. Люди с такой кожей светились в темноте словно призраки. Роланд не мог сказать, мужчины перед ним или женщины, да и какое это имело значение? То были заторможенные мутанты. Двигались они словно трупы, оживленные злым колдуном.

Пыль, как ковер, заглушала их шаги. И могли подойти вплотную, если бы Топси не оказал Роланду последнюю услугу, своей смертью предупредив о грядущей опасности. Стрелкового оружия Роланд у мутантов не заметил, только дубинки. В основном ножки от стульев и столов, но у одного дубинка была настоящая, с утолщенным концом, утыканым ржавыми гвоздями. Роланд решил, что позаимствовали ее у вышибалы из салуна, возможно, у того, кто следил за порядком в «Веселом поросенке».

Роланд поднял револьвер, взяв на мушку идущего по центру. Теперь он слышал шарканье их ног, свистящее, как при сильном бронхите, дыхание.

Наверное, они пришли сюда прямоком из шахт, подумал стрелок. Где-то здесь добывали радий. Отсюда и такой цвет кожи. Странно только, что их не убивают солнечные лучи.

И тут, прямо у него на глазах, идущий с краю, существо с размытыми, словно вылепленными из воска чертами лица, умер... или потерял сознание. У него (Роланд решил, что это мужчина) подогнулись колени, гортанный крик сорвался с губ, он протянул руку, схватился за идущего рядом мутанта с лысой шишковатой головой и красными язвами на шее. Лысый даже не повернулся к падающему. Не отрывая мутного взгляда от Роланда, он сбросил руку, чтобы не отстать от остальных.

– Стоять! – крикнул Роланд. – Не приближайтесь ко мне, если хотите дожить до заката! Настоятельно советую не приближаться!

Обращался он главным образом к идущему по центру – мутанту в красных помочах поверх лохмотьев рубашки и грязном котелке. У этого господина остался только один глаз, но глаз этот пожирал Роланда взглядом. Рядом с Котелком шла, судя по всему, женщина (за это, во всяком случае, говорили жалкие грудки, торчащие из жилетки). Она бросила в Роланда ножку стула. Траекторию рассчитала правильно, но переоценила свои силы. Ножка упала в пыль, не долетев до стрелка десять футов.

Роланд взвел курок револьвера и выстрелил вновь. На этот раз пуля взбила пыль у ноги Котелка, а не у собачьей лапы.

Зеленокожие не убежали, как пес, но остановились, не сводя алчных глаз с Роланда. Неужели жители Элурии закончили жизнь в желудках этих тварей? Роланду не хотелось в это верить... хотя он и знал, что каннибализм для заторможенных мутантов – обычное дело (впрочем, о каннибализме речь идти не могла, потому что едва ли эти существа могли считаться людьми). Они слишком медлительные, слишком глупые. Если б они вернулись назад после того, как их прогнал шериф, горожане забросали бы их камнями и забили до смерти.

Не думая о том, что делает, стремясь лишь освободить руку, чтобы выхватить второй револьвер на случай, если мутанты не услышат голоса разума, Роланд сунул медальон, который снял с убитого юноши, в карман джинсов, вместе с разорванной цепочкой.

Они стояли, уставившись на него, отбрасывая странно изогнутые тени. Что дальше? Приказать им убираться восвояси? Роланд не знал, подчинятся ли они. А с другой стороны, ему не хотелось терять их из виду. Еще затаятся и нападут из засады. Одна проблема, правда, благополучно разрешилась: о похоронах Джеймса вопрос больше не стоял.

– Стойте на месте, – произнес он на низком наречии и попятился. – Первый, кто сдвинется...

Прежде чем он закончил фразу, один из них, карлик с широченной грудью, вывернутыми губами и раздутой, как при свинке, шеей, бросился вперед, вереща что-то неразборчивое. Может, смеялся. Размахивая ножкой от рояля, зажатой в правой руке.

Роланд выстрелил. Грудь карлика сложилась, как картонный домик. Он попятился, пытаясь удержаться на ногах, прижав к груди свободную руку. Одна нога в грязно-красном шлепанце зацепилась за другую, и карлик рухнул на землю. В горле у него что-то заклокотало, он выпустил из пальцев дубинку, перекатился на бок, попытался встать, но вновь рухнул в пыль. Яркие солнечные лучи отражались от его широко раскрытых глаз, струйки белого пара начали подниматься от кожи, быстро теряющей зеленый цвет. Что-то зашипело, совсем как вода, если плеснуть ее на раскаленную сковородку.

Надеюсь, одного наглядного урока им хватит, подумал Роланд.

– Сами видите, он был первым, кто сдвинулся с места. Кто хочет стать вторым?

Желающих вроде бы не было. Мутанты стояли, наблюдая за ним, не подходили... но и не отступали. Он подумал (как и о псе), что ему следует их перебить, вытащить второй револьвер и положить одного за другим. На это, при его умении стрелять, ушло бы несколько секунд. Но он не мог заставить себя. Он еще не стал хладнокровным убийцей... пока еще не стал.

Медленно, очень медленно, он начал пятиться. Сначала обошел желоб. А когда Котелок шагнул вперед, Роланд осадил и его, и остальных, вогнав пулю в пыль в дюйме от ноги Котелка.

– Это последнее предупреждение. – Он продолжал говорить на низком наречии, не зная, понимают ли его мутанты. Впрочем, стрелка это не волновало. Язык пуль они понимали наверняка. – Следующая пуля разорвет чье-нибудь сердце. Договариваемся так: вы остаетесь. А я ухожу. Это ваш единственный шанс. Те, кто последует за мной, умрут. Сейчас слишком жарко, чтобы говорить впустую, и я начинаю терять...

– Бух! – раздалось у него за спиной. В голосе слышалось ликование. Боковым зрением Роланд увидел тень, выросшую из тени перевернутого фургона, к которому он приблизился практически вплотную, и осознал, что за фургоном прятался один из зеленокожих.

А когда стрелок начал поворачиваться, дубинка обрушилась на его правое плечо, и рука онемела. Роланд, однако, сумел поднять револьвер и выстрелить, но пуля попала в одно из колес фургона, выбив деревянную спицу. Колесо со скрипом завертелось, а за спиной уже слышались вопли мутантов, устремившихся к фургону.

За фургоном прятался монстр с двух головах. Одна бессильно свисала на грудь, зато вторая, тоже зеленая, жила полнокровной жизнью. Широкие губы расплзлись в улыбке, когда мутант поднял дубинку, чтобы ударить вновь.

Роланд левой, не онемевшей, рукой выхватил второй револьвер. Успел всадить пулю в эту идиотскую улыбку. Кровь и зубы брызнули во все стороны, дубинка выпала из ослабевших пальцев. И тут же подоспели остальные мутанты.

Стрелку удалось уклониться от первых ударов, и он уже подумал, что сумеет оторваться от мутантов, ускользнув за фургон, а уж там повернется к ним лицом и расстреляет одного за другим. Конечно же, ему это удастся. Не мог же его поход к Темной Башне бесславно завершиться на залитой жаркими лучами солнца улочке крохотного затерянного на Западе городка. Не могли зеленокожие заторможенные мутанты взять верх над стрелком. Не могла *ка* быть такой жестокой.

Но Котелок достал его своей дубинкой, и Роланд врезался в медленно вращающиеся колеса перевернутого фургона, вместо того чтобы проскользнуть мимо него. Он оказался на четвереньках, еще пытаясь подняться, увернуться от обрушивающихся на него ударов. Он уже видел, что зеленокожих не пять, не десять. А гораздо больше. С Главной улицы на городскую площадь спешили не меньше тридцати мутантов. Не горстка вырожденцев, а целое племя! Да еще ясным днем, под жарким солнцем! Он-то привык считать, что заторможенные мутанты вылезают из своих нор только в темноте, как жабы. А с такими, светоустойчивыми, он никогда не сталкивался. Они...

В красной жилетке действительно была женщина. Ее голые груди стали последним, что увидел Роланд, когда мутанты сжали кольцо. Он еще пытался вскинуть один из больших револьверов (перед глазами плыло, но едва ли это обстоятельство помогло бы мутантам, если б Роланду удалось открыть огонь: Джейми Дикарри говорил, что Роланд может стрелять с закрытыми глазами, потому что его пальцы имеют собственные глаза). Но револьвер вышибли из его руки в пыль. И хотя пальцы второй по-прежнему сжимали рукоятку из сандалового дерева, Роланд понял, что выстрелить ему не удастся.

Он ощущал их запах, тошнотворный запах гниющей плоти. Или так пахли его руки, которые он поднял, чтобы защитить голову? Руки, которые побывали в отравленной воде, когда он снимал медальон с шеи убитого юноши?

Дубинки обрушивались на него со всех сторон, словно зеленокожие хотели не только убить его, но размолотить все кости. И, проваливаясь в темноту, Роланд не сомневался, что это смерть. Он услышал стрекотание насекомых, лай собаки, перезвон колоколов, затем все звуки слились в один. Наконец оборвался и он. Темнота окончательно поглотила Роланда.

Глава вторая

Возвращение в реальный мир. Между небом и землей. Белоснежная красота. Еще двое больных. Медальон

Таким путем возвращаться в реальный мир Роланду не доводилось. Приходить в себя после сильного удара (несколько раз случалось и такое) – это одно, пробуждаться ото сна – другое. Тут он словно поднимался на поверхность из темных глубин.

Я умер, подумал он в какой-то момент... когда способность думать частично вернулась к нему. Умер и поднимаюсь в тот мир, где живут после жизни. Так и должно быть. А пение, которое я слышу... это поют мертвые души.

Чернильная тьма сменилась темной серостью грозowych облаков, затем молочной белизной тумана. Наконец туман начал рассеиваться, изредка сквозь него пробивались солнечные лучи. И все время ему казалось, что он поднимается, подхваченный мощным восходящим потоком.

Но вот ощущение это начало слабеть, яркий свет все сильнее давил на закрытые веки, и только тогда Роланд окончательно поверил, что он все-таки жив. И убедило его в этом стрекотание насекомых. Ибо слышал он не пение мертвых душ, не пение ангелов, о которых иногда рассказывали проповедники Иисуса-человека, а стрекотание насекомых. Маленьких, как сверчки, но таких сладкоголосых. Тех самых, которых он слышал у ворот Элурии.

С этой мыслью Роланд и открыл глаза.

И уверенность в том, что он жив, разом пошатнулась, ибо Роланд обнаружил, что висит между небом и землей в мире ослепительной белизны. Даже подумал, что парит в вышине между белоснежных облаков. Стрекотание насекомых обволакивало его со всех сторон. Слышал он и перезвон колоколов.

Он попытался повернуть голову и качнулся в некоем подобии гамака, который тут же протестующе закрипел. Стрекотание насекомых – точно так же стрекотали они в Гилеаде на закате дня, – ровное и размеренное, словно сбилось с ритма. И тут же в спине Роланда словно выросло дерево боли. Он понятия не имел, куда протянулись жгущие огнем ветви этого дерева, но ствол точно совпадал с его позвоночником. А особенно сильный болевой удар пришелся на одну из ног: оглушенный болью, стрелок даже не мог сказать, на какую именно. *Должно быть, ту, по которой пришелся удар дубинки с гвоздями*, подумал он. Боль отдалась и в голове. Прямо-таки не голова, а яйцо с разбитой скорлупой. Роланд вскрикнул и не поверил: каркающий звук, долетевший до ушей, сорвался с его губ. Вроде бы до него донесся и лай пса, которого он отогнал от убитого юноши, но скорее всего ему это лишь почудилось.

Я умираю? Я еще раз очнулся перед самой смертью?

Рука гладила его по лбу. Он ее чувствовал, но не видел: пальцы скользили по коже, останавливаясь, чтобы помассировать какую-то точку. Нежная рука, желанная, как стакан холодной воды в жаркий день. Он уже начал закрывать глаза, когда голову пронзила ужасная мысль: а если эта рука зеленая и принадлежит она тому чудовищу в красной жилетке с болтающимися сиськами?

А если и принадлежит? Что ты можешь с этим поделать?

– Лежи тихо, парень. – Голос молодой женщины... может, даже девушки. Разумеется, первым делом Роланд подумал о Сюзан, девушке из Меджиса.

– Где... где...

– Лежи спокойно. Не шевелись. Еще нельзя.

Боль в спине уже утихала, образ боли – дерево с огненными ветвями – остался, потому что его кожа пребывала в непрерывном движении, словно листья на ветру. Как такое могло быть?

Он отсек этот вопрос, отсек все вопросы, сосредоточившись лишь на миниатюрной прохладной руке, которая гладила его лоб.

– Успокойся, красавчик. Любовь Господа пребывает с тобой. Однако тебе сильно досталось. Лежи тихо. Лечись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.